

*Посвящается Генри, позволившему мне
взглянуть на Лондон по-новому.
Оставайся таким же пытливым,
отважным и искренним.*

Красота есть истина, а истина прекрасна —
и в этом вся земная мудрость, что знать нам
суждено.

*Джон Китс
«Ода к греческой вазе»*

ПРОЛОГ

Лондон, сентябрь 1666 г.

*Д*ым был такой плотный, что ей пришлось прикрывать рот и нос передником. Падающие со всех сторон искры опалили ее длинные косы. Теперь их придется отрезать. Мама будет в ярости, но она пообещала папе, что доведет дело до конца, даже несмотря на то, что пламя с яростным ревом уже бушевало на узких булыжных мостовых.

Никто ее пока не хватится. Мама и малыши, должно быть, уже проплывают под Лондонским мостом в баркасе, укрывшись плотными шерстяными одеялами, чтобы спастись от ливня искр и пепла. Устав упрашивать мать, девушка просто затолкала ее вместе с ребенком в переполненную лодку, обещая, что поплывет вместе с ними, но как раз в тот момент совсем рядом взорвались бочки с маслом и топленым жиром.

— Ты должна думать о ребенке! Папа бы... — кричала она с пристани, но ее слова поглотил обжигающий восточный ветер.

Баркас отчалил от пристани и исчез в дымной мгле. На берегу царил хаос, горожане выгружали с повозок

свои сундуки и кожаные кофры, набитые наиболее ценными вещами. Лошади в ужасе фыркали и, прижав уши, высоко запрокидывали головы, лязгая копытами по брусчатке. Девушка была рада, что мама и малыши Сэмюэль уплыли. Теперь они в безопасности.

Взволнованный капитан баркаса, упершись одной ногой в деревянный причал, удерживал свое судно. Он протянул девушке руку, но она отступила назад в гущу дыма и пепла, повернулась на своих стоптанных каблуках и бросилась вверх по склону прочь от Темзы. Девушка бежала до тех пор, пока не стала различать на фоне оранжевого неба серые контуры шпиля собора Святого Павла. Его каменные стены взрывались, как порох, но девушка упорно пробиралась сквозь толпы людей, в панике устремившихся к реке. Она замедлила шаг, ступая осторожно и глядя под ноги, чтобы избежать ручейков расплавленного свинца и кипящего дерьма, растекающихся по булыжной мостовой. Вскоре ей пришлось пробираться на ощупь вдоль стен. Пальцы рук скользили по неотесанным бревнам, а под ногами хрустело битое стекло. Всю свою жизнь она провела на этих улицах и переулках, знала их наизусть, и теперь, проходя мимо, она шептала их названия: Скобяной переулок, Королевский, Медовый, Молочный, Столярный, Масляный и затем Фостер-Лейн. Почти дома.

Два соседних здания, прилегающих к их дому, были охвачены ярким огнем. Мужчина, подвернув рукава, пытался сбить пламя, плеская воду из ведер. Но огонь с ревом и шипением взбирался вверх по стенам, перекидываясь на деревянную черепицу, словно насмехаясь над людьми, мечущимися внизу.

- Уходи...
- Слишком поздно...
- ...пробирайся к монастырю Блэкфрайерс...
- Собор Святого Павла полыхает...

Но поворачивать было уже поздно. Только не теперь, когда она так близко к дому, когда она обещала отцу... Неистовый звон колоколов церкви Сент-Мэриле-Боу указывал ей направление, и она медленно пробиралась сквозь густую завесу дыма. Когда девушка нащупала знакомые кованые цифры на входной двери, она навалилась на нее всем телом и отворила. Мимо проносились гужевые повозки, направляясь к пристаням или за городские стены, люди заскакивали на них на ходу, и никто не обратил внимания, как девушка проскользнула в двери дома за номером тридцать два. У нее горело в груди, словно с каждым вздохом она втягивала в свои легкие жаркое пламя. На глазах выступили слезы, но девушка промокнула их своим грязным рукавом. Сейчас было не время раскисать. Собравшись с духом, девушка опустилась на колени и поползла по голубому персидскому ковру, покрывающему пол в прихожей, к двери, которая вела в крохотную комнатку — папину мастерскую. С проворностью жаворонка она сняла с шеи тесемку, на которой висел ключ. Этот ключ она всегда прятала под одеждой, когда отец отправлялся в свои путешествия, как талисман, который зазывал отца вернуться домой.

Огненный шторм набирал силу. Через разбитые окна и открытую входную дверь дом наполнялся жаром. Со всех сторон доносился страшный грохот рушившихся домов. Черепица дома, в который проникла девушка, тоже начала тлеть и со свистом трескаться-

ПОТЕРЯННЫЕ СОКРОВИЩА

ся. Ей нужно было спешить. Девушка отперла дверь и устремилась вниз по узкой лестнице. Спустившись в прохладный подвал, она почувствовала короткое облегчение. После уличного хаоса здесь было так спокойно и тихо. Она присела, чтобы отыскать на земляном полу секретную метку. Под ней были закрыты семейные ценности, и теперь она должна была их забрать. Она знала, что папа все понял бы. Она обещала, что позаботится о маме и малыше Сэмюэле, но тех монет, что в спешке были завернуты матерью в платок, надолго не хватит. Девушка быстро прошептала короткую молитву, затем схватила стоявшую в углу лопату и начала копать.

ГЛАВА 1

ДОКТОР КЕЙТ КИРБИ

Бостон, наши дни

Именно Джейн Риверс, ведущий редактор глянцевого журнала, и предложила Кейт командировку в Лондон по поводу чипсайдской находки. Звонок застал Кейт, когда она сидела за столом в библиотеке своего заброшенного бостонского особняка, потягивая горячий шоколад, сдобренный корицей, ежилась от холода под серым шерстяным одеялом и пыталась согреть ноги пышущим жаром обогревателем. Формально дом принадлежал ее родителям — семья владела им уже четыре поколения, — но никто не хотел жить в сырости, со сквозняками и затхлым запахом старости. Никто, кроме Кейт.

Кабинет был ее любимой комнатой — и единственной, которую она утеплила и привела в порядок. Он был большой, но удобный. С книжными полками от пола до потолка вдоль трех стен, письменным столом, принадлежавшим еще прадедушке, и диваном с обивкой переливчато-синего цвета, на котором Кейт засыпала чаще, чем ей хотелось бы.

Напротив стола на стене висела обрамленная купчая на первый пароход, который прабабушка с пра-

ПОТЕРЯННЫЕ СОКРОВИЩА

дедушкой приобрели в 1914 году. Судно получило название — «Эстер Роуз» — в честь прабабушки, которую в семье звали просто Эсси. На столе красовалась фотография очаровательной трехлетней племянницы Кейт — Эммы, сжимающей в объятиях кинг-чарльз-спаниеля по кличке Меркуцио — неподходящее имя для собаки, но на нем настояла Молли. (Сестра Кейт питала слабость к второстепенным персонажам шекспировских пьес.) Рядом с фотографией лежал дневник Кейт, который она начала вести четыре года назад, но теперь забросила. Фактически вела она его лишь первые девять месяцев. По какой-то причине Кейт не могла ни выбросить его, ни упрятать в коробку с другими вещами, оставшимися от того года.

И вот этот звонок.

— Ты смогла бы приехать в Лондон в следующий понедельник? У нас тут намечается грандиозное расследование. Я думаю, понадобится не меньше недели. Я понимаю, предложение слишком неожиданное, — голос Джейн звучал слегка жеманно и очень учтиво, но за этим слышалась настойчивая просьба.

— А что за расследование?

— По поводу драгоценностей Чипсайда.

Кейт почувствовала покалывание по всей коже.

— Наконец-то! Кого и чем подкупила?

— Я посулила обложку и оба вкладыша в обмен на эксклюзив. Мы хотим осветить эту тему, прежде чем «Тайм», «Вог» или «Вэнити Фэйр» влезут. Лондонский музей на прошлой неделе закончил каталогизацию и необходимую реставрацию. И у нас есть последний шанс получить доступ к коллекции, прежде чем музей

закроется для переезда в Вэст-Смитфилд — на год или около того. Уже посыпались заявки от рекламодателей. «Де Бирс», «Картье»... все сразу, — Джейн выдержала эффектную паузу и продолжила: — В общем, по эту сторону Атлантики эта тема вызывает огромный интерес и сулит массу денег — конкуренты будут в бешенстве. Наш генеральный и председатель правления рвут и мечут наперебой — они уверены, что эта серия вернет людей к печатным журналам. Драгоценные камни смотрятся гораздо эффектнее на бумаге, чем на экране.

«Да, это правда, — думала Кейт. — Фотография бриллианта, отпечатанная с высоким качеством, — отличный вариант прикоснуться к миру драгоценностей».

Но для нее способ репродукции стоял лишь на втором месте. История — вот что интересовало Кейт больше всего. История побуждала погрузиться в мир прошлого как можно глубже, чтобы отыскать нечто оригинальное — факты, которые были упущены или просто забыты.

— У меня скоро важная встреча, так да или нет? — напирала Джейн. — Мне выделили солидный бюджет, не буду говорить тебе, какая это редкость в наше время. Мне позволено покрывать любые расходы на все необходимые поездки.

— Ты имеешь в виду поездки помимо Лондона?

— Ну, я так понимаю, эти драгоценности не местного происхождения. Там нет алмазных рудников.

— Я поняла, — решила Кейт. — Действительно, в этой истории есть где покопаться.

Джейн рассмеялась.

ПОТЕРЯННЫЕ СОКРОВИЩА

— Знала, что оценишь.

— Спасибо. И благодарю, что вспомнила обо мне. Повисла неловкая пауза.

— Ну, на самом деле сверху проталкивали Джослин Кэссиди из Смитсоновского института, но в музее не были в восторге от этой идеи, и... Я так понимаю, ты знакома с нынешней директрисой музея, профессором Райт из Оксфорда?

— Конечно.

— Она говорит, что твои исследования в этой области не имеют себе равных. А последняя твоя работа, что я тебе давала, — в Болгарии, — просто превосходна. Ракурс, конечно, неожиданный, но мне понравилось. Это было очень необычно.

— Еще бы! Их арт-директор соглашался на интервью только за обедом. Абсурдно долгие застолья. К тому же я обязана была съесть гору пасты и выпивать графин кьянти. И так каждый день в течение недели.

— Боюсь, в этот раз такого питания я тебе обещать не смогу! Только бесценные сокровища. Ну, так что ты скажешь? Мы должны действовать очень быстро.

«Бесценные сокровища... Лондонский музей», — вертелось в голове у Кейт.

— Знаешь, у меня на данный момент есть кое-какие дела, — ушла от прямого ответа Кейт, — позволь, я посмотрю свое расписание и перезвоню.

На этом они распрощались, и Джейн пообещала выслать имеющуюся у нее информацию о коллекции.

Кейт откинулась на спинку кресла, собрала кудри в хвост, натянула одеяло на плечи и, попивая оставшийся шоколад, стала мысленно составлять список

дел, которые ей нужно было завершить до отъезда в Лондон. Через две недели швейцарский клиент ждал от нее страховой отчет. Стол был завален фотографиями архивных экспонатов, которые дом Картье планировал показать в Париже во время Недели моды. Под фотографиями покоился ее реферат на соискание докторской стипендии в Гарварде, который следовало подать в следующем месяце. И наконец, в самом низу прятался коричневый конверт со штампом в виде листа серебряного папоротника, в котором были документы на развод. Она должна была подписать их, отослать адвокату Джонатана и жить дальше. Бумаги были в порядке — но не ее сердце. Кейт вздохнула и потянулась за конвертом, но тут же отдернула руку. «Позже», — пообещала она сама себе и вместо конверта подхватила реферат, сморщив нос от количества красных пометок, указывающих на ошибки, которые ей следовало исправить. Но прежде чем приступить к работе, Кейт обратила внимание на несколько искусных рисунков, сделанных черными чернилами, которые она хранила в специальных прозрачных архивных конвертах, способных защитить документы от сырости и пыли, и которые она не успела убрать обратно в картотечный шкаф.

На одном рисунке были изображены две маленькие девочки, склонившие друг к другу свои смеющиеся головки. На них были одинаковые блузки и юбочки, и у обеих с плеч свисали растрепанные косы. На втором рисунке красовался петушок в задиристой позе. Третий листок заполнял изящный коллаж из зарисовок цветков розы, колец, ожерелий, гроздей винограда и апельсиновых плодов. Элементы коллажа были так